

Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов*

Порядок отставки офицеров «от полков» принадлежит к числу тех проблем в истории армии, социально-политическое значение которых в России XVIII в. превосходило чисто военное всегда, а до Манифеста о вольности дворянства 1762 г. в особенности. Именно в таком аспекте оцениваются в литературе и акты конца 1730-х гг. – по выражению А.В. Романовича-Славатинского, первый шаг к освобождению сословия от несения повинности государственной службы¹, – при Петре I позиционированной как пожизненная.

В провозглашении верховной властью начиная с 31 декабря 1736 г. отказа от претензий к выслужившим 25 лет и остро нуждающимся в «содержании экономии» выделяется утверждение взгляда на дворянство как на не столько «военно-служилый», сколько на «землевладельческий класс». А этот взгляд, в свою очередь, связывается со стремлениями к ограничению служебного бремени определенным сроком, прямо высказанными в «шляхетских проектах» 1730 г.² Установлена и преимущество введённых в действие 14 февраля и развитых 26 апреля 1740 г. положений Манифеста 1736 г. о компенсации государству со стороны увольняющихся в форме поставки рекрут и денежных выплат относительно предложений Воинской комиссии во главе с Б.-Х. Минихом по содержанию кирасирских полков, которые 14 июля 1731 г. были отвергнуты Сенатом³.

Перечисленные документы часто цитируются вместе с выдержками из популярных «Записок» Х.-Г. Манштейна о скорой отмене дарованных прав⁴ ввиду повального устремления в отставку, угрожающего опустошить офицерский корпус. Общая известность в результате названных попыток реформирования служебных норм до сих пор не побуждала историков к их специальному исследованию. Однако в условиях качественного углубления в последние десятилетия представлений о высшем сословии второй половины XVIII в. представления изложенные уже не удовлетворяют ученых, что порождает тенденцию к дополнению их априорными рассуждениями о невнимании Петра к вопросам отставки и непоследовательности его преемников в силу «остроты противоречий между монархией и дворянством по поводу обязательной службы»⁵.

Вместе с тем источниковые возможности конкретизации мнений по проблеме политики и практики в области дворянской службы, видимой вехой которой стало введение на рубеже 1730–1740-х гг. так называемых урочных лет, более чем широки. И если богатейшее документальное наследие «эпохи дворцовых переворотов» в целом мало доступно именно вследствие его обширности и неадекватного ей состояния поисковых систем, то комплекс неизданных «бумаг» Кабинета министров под данным им в Сенатском архиве XVIII в. названием «Наряд об отставках из шляхетства офицеров»⁶ достаточно компактен.

Он открывается копиями касающихся отставки законов, подготовленными в канцелярии Кабинета. За ними следуют «Ведомости» Военной коллегии об отставленных «от состояния указа» 14 февраля до конца июля 1740 г., помеченные августом того же года, доклады и обращения в Кабинет гр. Б.-Х. Миниха и других лиц, которые легли в основу «ограничительных» актов 7 и 22 августа, и их черновики, включая пересказанные С.М. Соловьевым секретные «пункты» генерал-прокурору кн. Н.Ю. Трубецкому⁷. Заключает подборку завершённое 5 сентября канцелярское «производство» по представлению Б.-Х. Миниха, затрагивающему и другие аспекты деятельности Военной коллегии, которое перемежается ее сводками о положении с отставками на 7 августа.

Перечисленные тексты безусловно подтверждают приоритет фельдмаршала в постановке задачи пресечения увольнения из армии «малопоместных и малослужащих офицеров», «просящих в экономию», – 30 июня 1740 г.⁸ Доказывается ими и справедливость сообщения Х.-Г. Манштейна о конфликте Б.-Х. Миниха с Сенатом, который «от себя» представил императрице высказанные в свой адрес «сомнения» Военной коллегии с возложением на нее ответственности за «могущие приключиться в государстве вредительные следствия»⁹. Правда, в архивных материалах нет указаний на авторство самого проекта об ограничении срока дворянской службы, апробованного Анной Иоанновной 27 декабря 1736 г. в форме доклада Кабинета¹⁰, который воплотился в Манифесте 31 декабря и который мемуарист тоже приписывает Б.-Х. Миниху. В контексте содержательной близости «бумаг» 1730–1740-х гг. друг другу и вышеназванному мнению Воинской комиссии 1731 г.¹¹ его утверждение не кажется невероятным и не акцентировалось историками, буквально повторяющими другие оценки Х.-Г. Манштейна, лишь потому, что роль отца вольности российского дворянства трудно увязать с традиционным образом одного из столпов «немецкой партии».

Однако проблема персональной роли кого-либо из политически влиятельных лиц в перемене курса относительно дворянской службы, который прежде и отчетливее всего проявился в пересмотре порядка офицерских отставок, на данном этапе изучения последнего представляется не самой актуальной. Постольку поскольку при очевидности борьбы личных амбиций в кругу правящей элиты очевидно и ее согласие в неотложности как демобилизации определенного количества годных к военной службе «для лучшей государственной пользы и содержания шляхетских домов», так и противодействия «чрезмерному умножению просителей об отставке». Обнаруживаясь во всех объединенных в кабинетском «наряде» рассуждениях, это согласие тем показательнее, что высказано в том числе и людьми, которые в 1731 г. решительно опротестовали принцип «урочных лет».

Приведенные тогда аргументы против аморальной «праздности» дворян как оборотной стороны опасности, что «в армии и флоте производить и к делам определять некого будет», повторялись в столь же сильных выражениях (и в более обтекаемых формулировках отчасти попали и в тексты, «публикованные в народ»). Но срок

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 05-01-01124а).

П. П. Ласси. Гравюра XVIII в.

службы как таковой уже не предлагали отменить, дабы воспрепятствовать отпуску из-под «команды» молодых людей «из самого убогого шляхетства», которые не в силах «содержать экономию» – то есть «смотреть», чтобы крестьяне бездомно платили подушный сбор и не «являлись» «в воровстве и разбое», да и сами, «не имея в доме довольного пропитания», «в обиды и разбой могут впасть». Более того, это положение Манифеста 1736 г. в ограничивающих его «худые следствия» проектах и указах 1740 г. получило дальнейшее развитие в виде отсчета «прямой службы» только с 20 лет и, соответственно, запрета отставки военнослужащих моложе 45 лет. Запрета, который в изданных актах не связывался с материальным благосостоянием, вопреки мнению В. О. Ключевского об их нацеленности на создание «специального класса – неслужащих дворян-хозяев»¹².

Противоречащим фактам выглядит и единодушное опасение «непорядков», звучащее во всех документах, сопутствующих реформе отставок конца царствования Анны Иоанновны. Ведь по представленным тогда Кабинету Военной коллегией «Ведомостям» с 14 февраля по 10 июля 1740 г. «на домашнюю экономию» отпустили 116 офицеров, тогда как «за неспособностями» к действительной военной службе в то же время отставили 176¹³, а общая численность офицерского корпуса составляла, по данным исследователей, около 5100–6200 человек¹⁴.

Однако те же «единство и борьба противоположностей» выявляются и на материале предшествующих 1736 г. 17-ти указов, само количество которых опровергает точку зрения о присущем ранее власти невнимании к данному аспекту организации службы. И сделанная выборка могла бы быть еще шире, если бы правительство летом 1740 г. интересовала законода-

тельная традиция вопроса в целом включая распоряжения о преимущественном определении на вакансии в гарнизоны отставляемых из полевой армии (21 марта 1721 г.), о «пропитании» в монастырях беспоместных офицеров, которые после отставки по состоянию здоровья не могут «быть у дел» (то есть нести гражданскую службу) и т. п. Но она посвящена исключительно нормам условий и порядка получения офицерских отставок.

Хронологически первое из выделенных определений, 1715 г., принадлежит «прежде бывшей» – то есть до учреждения в декабре 1717 г. Военной коллегии – Военной канцелярии. Оно разъясняет особенности оформления документов для присылки из армии «неисправных в своих делах» сравнительно с уже устоявшимся алгоритмом выключения из нее отставляемых: офицеры, «которые в службе за ранами, за болезнями и за старостью больше служить не могут», являются туда «с письмами за... руками» своих «генералов-аншефтов». По содержанию этих писем – «имянно, кто за чем служить не могут» – канцелярия и «чинит» соответствующие определения¹⁵. Личный смотр в Военной коллегии с 1718 г. остается в течение изучаемого периода обязательным этапом отставки офицеров¹⁶, которые на основании ее определений могли быть «отпущены вовсе в дом» («освобождены от всего», «отставлены от службы и от дел навечно» или направлены «к гражданским делам» и «к пропитанию» в монастырь). Судьба полковников и выше решалась на монаршем уровне, а прочих – на смотре в Сенате, сохранявшем это право (обязанность) в целом неизменно (кроме кратких периодов освидетельствования в других высших учреждениях назначенных на определенные административные должности или недолгом разрешении 24 сентября 1725 г. отпускать заведомо негодных к «делам» прямо из Военной коллегии¹⁷).

Неизменным предстает и изначально парадоксальное сочетание во взгляде законодателей на полную отставку: отождествление ее с негодностью («неспособностям») для государства отработанного человеческого материала и вместе с тем с «освобождением» как наградой за длительную беспорочную службу. По изданию Морского регламента 1722 г., признававшего причинами отставки российского офицера только: 1) болезнь или увечье; 2) старость или увечье, – эти формулировки и доминируют в позднейших актах общего характера.

Мотив «долговременной службы» тоже возникает в 1722 г., в именном указе от 19 апреля о награждении за нее «смотря... чинами по одной ранге». Далее он звучит, вплоть до провозглашения «урочных лет», всегда в распоряжениях по поводу этого награждения: Екатерины I, 3 декабря 1725 г. повторившей и применившей его к полковникам и генералам (в том числе уже отставленным); Верховного тайного совета от 2 июня 1729 г., где оно трактуется как возможное только при полной отставке; Анны Иоанновны, 14 ноября 1735 г. вновь распространившей его на всех, но с разъяснением, что отставляемых к «штатским делам» следует повышать «штатскими» же чинами. И всего однажды, 18 августа 1732 г. в определении Военной коллегии о смотрах в армии с участием генерал-инспекторов, проскальзывает оговорка о возможной отставке безнадежных к полковым повышениям с определением на их места числящихся «за комплектом». В предмет регулирования на уровне указов сугубо военные резоны, таким образом, не переросли (хотя и понятно, что «вышние командиры» на деле могли руководствоваться ими, не говоря об обстоятельствах политического и чисто личного свойства).

Правила же удостоверения устойчивых в законе причин увольнения офицеров, наоборот, пересматривались неоднократно. Сначала достаточным считалось генеральское «письмо», но в 1722 г. Военная коллегия уже отставляет «по свидетельствам дохтурским». Ее приговор 21 июня 1725 г., угрожающий штрафами за челобитные о своих нуждах мимо командиров, говорит, что по крайней мере какое-то время об отставке можно было просить прямо там. 8 марта 1728 г. Верховный тайный совет запрещал уже и челобитные генералитету, обязывая полковников собирать «ведомости» о негодных к службе поротно в ходе ежегодных осенних смотров и отправлять выявленных «со списками» («за чем» неспособны, где служили, когда «и от кого в офицерские чины произведены») к освидетельствованию докторов и штаб-лекарей. Потом «главный командир с прочим его команды генера-

литетом» смотрит их и с особыми «списками» высылает в Военную коллегию к концу года вместе всех, кто «явятся... быть негодны». Требуемые коллегией от кандидатов на отставку документы с 1729 г. прочно именовались аттестатами. Но ее протест против положения указа от 7 августа 1740 г. о производстве таковой непосредственно в Сенате и восстановивший прежний порядок указ от 22 августа не оставляет сомнений: тогда вновь считали действительным прошение офицера «по команде», а обо всех его «обстоятельствах» судили прежде всего по его «сказке» («как то» по Воинскому артикулу и «от начала коллегии чинилось»¹⁸).

Наряду с попеременным упрощением и усложнением процедуры отставки наблюдается и чередование указов, расширяющих и сужающих круг тех, кто при ее получении мог надеяться на повышение чина – важнейшего для эпохи критерия социального статуса. Однозначная формулировка 19 апреля 1722 г. о награждении рангами офицеров, которые «взяты были в службу изо всех, а служили продолжительно и хорошо», следует за близким по смыслу приговором Военной коллегии от 3 марта того же года, допускающим трактовку в пользу производства только переходивших в гарнизоны и гражданскую службу и твердо лишаящих его отставляющихся «за шумством и за французскими болезнями». Она же 25 мая 1725 г. запретила его служащим в последнем чине менее года, вводя таким образом в законодательство об отставке понятие конкретного срока. Вышедший же через полгода указ о позволении просить о награждении при увольнении полковникам и генералитету рассматривает такое право как бессрочное (и этот подход сохранялся впредь, о чем свидетельствуют соответствующие челобитные отставных всех рангов, во множестве представленные в опубликованных материалах Верховного тайного совета и аннинских Кабинета министров и Сената).

2 июня 1729 г. вновь поднимается вопрос о различиях между отставляемыми сразу «от всех статских дел» или только «от армии и гарнизонов»: последним отказывали в повышении, «понеже... могут дослужиться еще... которые добрые свои услуги покажут». Но с середины 1730-х гг. на повышение при отставке смотрят уже не как на снижающее мотивацию к «порядочной» гражданской службе, а как на способ приохочивания к ней в том числе посредством пожалования, согласно указу 14 ноября 1735 г., статских чинов¹⁹. Некоторые отступления от неоднократно подтверждаемой позиции можно видеть в запрещении 18 августа 1735 г. пользоваться дарованными при отставке от армии рангами при повторном вступлении на военную службу²⁰ и в повторении в указе от 26 апреля 1740 г. о награждении отставляемых «за неисцелимыми болезнями», только если их «получили в службе, а не от своей какой продерзости и сумасбродством». Но эти частные ограничения перекрываются уравниванием в правах на повышение актами об «урочных летах» всех трех категорий отставляемых (отбывших эти лета, отпускаемых за собственными «неспособностями» и назначаемых «к делам»), а затем выражением готовности в сдерживающих их применениях статьях производить вне очереди остающихся в службе при наличии выслуги.

Совпадения отмеченных перемен законодательных декораций, затрудняющих демобилизацию сколько-нибудь годных, но представляющие ее в свете доступной многим награды приходится на 1722, 1725, 1728–1729, 1735–1736 и 1740 гг.²¹, что с точки зрения борьбы «государства и общества» по поводу обязательной службы необъяснимо. Не очень много информации для оценки каждый раз однотипных правительственных мер содержит и статистика Военной коллегии на 1740 г. Тем не менее из сопоставления количественных данных о 1707 отставленных с 1730-го по 14 февраля 1740 г. в рангах от фельдмаршала до прапорщика и развернутых сведений о 176 офицерах, уволенных в 1740 г. помимо положения об «урочных летах», видно, что последняя цифра не слишком отличается от среднегодовых показателей предшествующего десятилетия. К гражданской же службе в год реализации реформы было представлено 138 человек из 176 – гораздо больше, чем показывает глухая сводка о совокупности отставленных в 1730-е гг. из «генералитета, штаб-, обер- и ундер-офицеров, рядовых и нестроевых» (12 921) и написанных из них «к делам» (3512).

Расчеты относительно офицеров по опубликованным журналам Сената за 1737 г. дают (несмотря на возможные погрешности) результат, весьма близкий к этой официально зафиксированной «норме» царствования. А именно, в гражданскую службу тогда вступило чуть более трети бывших командиров: около 50 из около 130, присланных Военной коллегией для назначения «к делам» или в монастырь и к отпуску на собственное пропитание. Но тем отчетливее выступает то ли удвоение в 1740 г. спроса на административные кадры, то ли рост в той же мере числа физически годных среди отставляемых «за старостью, дряхлостью и за болезнями», то ли, скорее, то и другое вместе.

К сожалению, возможности выявить соотношение между обозначенными группами хотя бы на моменты, когда меры, стимулирующие офицерские отставки, сменялись запретительными, в рамках настоящей статьи нет. Однако судить о нем отчасти можно по данным воссозданных по архивным материалам служебных биографий примерно 960 бывших офицеров, занимавших в 1719–1739 гг. должности губернаторов, воевод и других «областных правителей». Около 230 человек из них пришлось исключить из поля зрения, поскольку они вообще не были отставлены от военной службы или время их отставки пока не установлено. Но карьера остальных почти 730 человек была проанализирована по параметрам реализации (или нереализации) переводимых в разные годы из армии «к делам» и имевших законное право на повышение воинским или статским «рангом» непосредственно при отставке и впоследствии. Это обнаружило весьма любопытные с точки зрения вышесказанного обстоятельства.

Б.-Х. Миних. Гравюра XVIII в.

Половина отставных, пребывавших в 1720–1730-е гг. на руководящих постах в местном управлении, вообще не была произведена, а более трети из получивших следующий чин дожидались его много лет. Массовое повышение при отставке четко ограничивается 1726–1729 гг., достигая пика в 1727 г. (56 человек) и составляя в совокупности около 40% всех счастливых (за 20 лет таких всего 148). На те же годы приходится и видимое увеличение притока людей из армии «на воеводство»: около 50 в 1726, 1728 и 1729 гг. и около 80 в 1727 г. при довольно ровных в 1730-е показателях в 30–40 человек ежегодно. В 1723–1725 гг. аналогичные цифры в два-три раза ниже, но ни один год не сопоставим с 1722-м, когда отставилось свыше 120 будущих «областных правителей», а следующий сравнительно с армейским чин получило всего 9.

Среди других событий этот год ознаменован завершением известного по мемуаристике и исторической литературе общегосударственного смотра служилых сил и образованием для учета их впредь Герольдмейстерской конторы, на фонд которой в РГАДА и опираются приведенные выкладки. В русле же рассматриваемой темы важно подчеркнуть единовременность вышеизложенного оформления правил отставки из армии, которой «ведала» Военная коллегия, и конституирования герольдмейстерского учета остального дворянства как главного условия упорядоченного комплектования аппарата власти.

Характер источников не позволяет ответить, какая из целей правительства в 1722 г. была первичной: обеспечение кадрами новой государственности или освобождение вышедшей из войны 1700–1721 гг. армии от физически изношенного контингента и офицерства, которое с середины 1710-х гг. уже состояло, по-прежнему числясь при полках, «у разных дел». Но ясно, что эти взаимосвязанные задачи не были тогда решены вполне, несмотря на широчайшую перекачку людских ресурсов из военной системы в систему административную. Отсюда и меры по своего рода выманиванию офицеров в отставку обещаниями чинопроизводства 1725 г., исполнение которых вызвало более высокий отлив из армии сравнительно с ожидаемым. А это, в свою очередь, вызвало издание в 1728–1729 гг. указов, включающих сколько-нибудь добровольное увольнение.

Попытки принуждения к нему бесперспективных в оценке командования офицеров в ходе «инспекторских» смотров 1732 г., судя по «воеводским» данным, не были эффективны, как и широко декларируемое, но применяемое во всяком случае гораздо уже повышение отставляемых «к делам» статским. В очерченном контексте качественное расширение круга «награждаемых», которое предполагал Манифест 1736 г., предстает вполне закономерным. Тем более, что сенатские журналы 1737 г. свидетельствуют: до окончания «с турками войны» действительно откладывалось освобождение от военной службы дворян, «отбывших» 25 лет, и одного из недорослей каждой семьи, подлежащих зачислению туда вновь. Рекрут же из крепостных и деньги с отпускаемых «в дом» на прежних основаниях (то есть за болезнями и т. п.) стали взыскивать – из расчета один человек со 100 «душ» и соответствующей денежной «складки» с малопоместных – сразу²². И продолжали взыскивать в дальнейшем, несмотря на высочайшее утверждение 26 апреля 1740 г. «доношения» Военной коллегии об обязательстве к такому взысканию лишь выходящих из службы «для содержания экономии», с которых, в частности, с февраля по июль 1740 г. (вместе с унтер-офицерами и солдатами) было получено 213 человек и 1950 р.²³

Легкость отступления государства от только что объявленных указов и памятьливость, когда нужно, об установлениях весьма давних, характерна для курса относительно офицерских отставок на всем протяжении 1720–1730-х гг. Не исчезает она и в начале 1740-х, что определенно прослеживается по журналам Сената 1740–1741 гг.²⁴ Конечно, условия работы сенаторов и правительственных верхов в целом в это время перемен на престоле не были ординарными. Но суть дела осталась прежней и в лихорадке «милостей» и опал.

По динамике офицерских отставок видно, что введение традиционных ограничений в виде пресечения прямых обращений в Военную коллегию и роста требований к «верности» аттестатов, которое на этот раз не сопровождалось отменой повышений, но зато дополнялась запретом зачета в «урочные годы» службы ранее двадцатилетнего возраста и увеличением ставок материальной компенсации (включивших и приданое жен) дало результат. Ежемесячное число «просителей» вернулось к «нормальному» для 1737 г. – от нескольких до около 20 человек – к апрелю 1741 г., когда и перевес продолжающих службу в новой ипостаси над отставленными «вовсе» уступил место отмеченному для 1730-х гг. соотношению обеих групп как 1:3. Что позволяет говорить о благополучном завершении процесса, который по своему практическому содержанию перераспределения сил между военной и гражданской структурами империи следует признать аналогичным событиям 1722 г.

Единственное существенное отличие в его проведении – увеличение доли пожалованных при отставке, достигшей половины среди офицеров, назначенных «к делам», и еще более значительной для прочих. Отраженные в сенатских журналах детали рассмотрения каждого случая (в том числе «освобождения» бывших военных, уже исполняющих гражданские должности) демонстрируют одинаковое отношение отставляемых и отставляющих к любым законам просто как к приличному обоснованию выносимых в данный момент решений.

Просят, отпускают, повышают и отказывают потому, что: «25 лет выслужил, но молод и идет для содержания экономии»; «по смотру явился стар»; «в своих чинах в службе были малое время, а могут быть по заслугам награждены впредь»; «без взятия рекрут за многотрудные службы и старостию и дряхлостию и беспамятством, а паче за раны и полонное терпение»; «без награждения, понеже дряхл за лечением французской болезни»; «служил длительно и беспорочно»; «у дел быть еще может» и т. д. Принципиально же новые начала актов 1736–1740 гг. о целесообразности возрастных пределов службы для «содержания шляхетских домов» и деревень в обсуждениях 1740–1741 гг. не фигурируют совсем.

В первую очередь это наводит на мысль, что названные начала просто не имели значения ни для офицеров, и «для экономии» отставлявшихся в большинстве старше «указных» 45 лет²⁵, ни для сенаторов, озабоченных заполнением штатов разных звеньев административного аппарата, за функционирование которого они прежде всего отвечали перед верховной властью. С учетом вышеизложенного допустимо и предположение, что верховная власть тоже имела в виду одни насущные финансовые и кадровые проблемы и лишь «пристойным образом» сослалась на разорение деревни, поскольку оно уже упоминалось в известных указах 1725–1727 гг. об облегчении

«тягости народной» (когда в Верховном тайном совете звучало и предложение о переходе на налогообложение населения от 10 до 60 лет).

Однако и логика подобных предположений не опровергает того, что законодательные сентенции о сроках обязанностей дворян в отношении государства сообщали очередной ревизии служилых сил 1740 г. реформационное содержание – пусть и чисто идеологического свойства. Сыграла ли эта попытка перестройки петровской идеологической конструкции социальных отношений свою роль в истории армии XVIII в., еще предстоит установить. Но ее роль в позднейшей «вольности дворянства» выглядит неоспоримой и в свете вновь выявленных фактов.

-
- ¹ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. 2-е изд. Киев, 1912. С. 196.
- ² Там же. С. 192–193; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 291–292 и др.
- ³ Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 193–196; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 137–138, 150–158.
- ⁴ В действительности были введены ограничения их применения, нацеленные на сужение круга тех, кто мог ими воспользоваться: ПСЗ. Т. 11. № 8191, 8208; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 13 кн. М., 1993. Кн. 10. Т. 20. С. 459–460.
- ⁵ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 36–42.
- ⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1171. Л. 652–779 об. Далее: Кн. 1171.
- ⁷ Ср.: Кн. 1171. Л. 736–738; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 459–460.
- ⁸ Так в экстракте по его донесению на высочайшее имя (Кн. 1171. Л. 754), подтвержденном датировкой с 9 июля затребованных в Кабинет «Ведомостей». В самом донесении ошибочно указано 30 июля (Там же. Л. 744).
- ⁹ Кн. 1171. Л. 744–746 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 663 об.
- ¹¹ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. № 5804. § 29.
- ¹² Ключевский В.О. Указ. соч. С. 292.
- ¹³ Кн. 1171. Л. 711 об.–713.
- ¹⁴ Калашников Г.В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. Дис... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 52; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁵ Кн. 1171. Л. 653. Далее ссылки на акты, представленные в подборке (Л. 653–655 об.), опущены.
- ¹⁶ Кроме предусмотренной указом 16 февраля 1728 г. замены явки в петербургской Военной коллегии смотром Комиссии фельдмаршала кн. М.М.Голицына с генералитетом в Москве (ПСЗ. Т. 6. № 5237) и подобных этой единовременных акций.
- ¹⁷ В ПСЗ этот акт отнесен к 25 сентября (Т. 5. № 4778). Раз полученная полная отставка «от воинской службы и от штатских дел» могла аннулироваться – и не единожды, – но эта прерогатива верховной власти в 1740 г. предметом обсуждения не была.
- ¹⁸ Кн. 1171. Л. 797; ПСЗ. Т. 11. № 8208.
- ¹⁹ В этой связи в Сенате был подготовлен проект расширения их номенклатуры – для более точного соответствия чинам военным, – который в 1737–1741 гг. не менее трех раз докладывался на высочайшее имя, но утвержден так и не был: Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Подгот. А.Филиппов. М., 1911. Ч. 2. С. 8–9 (далее: Журналы 1737); Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1891. С. 338.
- ²⁰ Адресованное офицерам-иностранцам, оно на практике распространялось и на российских подданных (Ср.: Кн. 1171. Л. 668 об.; Журналы 1737. Ч. 1. С. 377).
- ²¹ За их пределами остается в основном подтверждение ранее вынесенных постановлений, как 5 окт. 1732 г. – обязательной явки отставных в Военную коллегию «от команд» в установленный в 1725 г. срок из расчета 25 верст в день во избежание выплаты излишнего жалования.
- ²² Журналы 1737. Ч. 1. С. 285, 319, 411 и др.
- ²³ Кн. 1171. Л. 698–703.
- ²⁴ Журналы и определения Правительствующего Сената // Сенатский архив. СПб., 1889–1892. Т. 2–5.
- ²⁵ См.: Кн. 1171. Л. 698–701 об.